МУРЗИЛКА

Детиздат
ЦК ВЛКСМ
Август 1936

№ 8

МУРЗИЛКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ АВГУСТ 1936 **№ 8**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ. Адрес: Москва, М. Черкасский, 1. Тел. 1-15-42

Содержание



ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

З. Александрова
Худ. Е. Афанасьева

Рано-рано утром новичок стучится:
— Открывайте школу — я пришел учиться.
В первом классе парты — выбирай любую.
— С этой мне виднее карту голубую!
— А на каждой парте новенькие книжки.
— Кто на переменке будет в кошки-мышки?
— Мальчик в белой майке! Мы с тобою сядем.
— Мне купила мама синие тетради.
— А меня звать — Зина! А меня звать — Коля!
И совсем не страшно нам учиться в школе.



ПИСАТЕЛЬ

Я. Тайц
Худ. В. Бордиченко

Про Лешу Шустикова написали в стенной газете. Так ему и надо. Он Лиде Шишмаревой нагрубил ни за что, ни про что. Она просто пришла в класс с новостью. Будто она в учительской слыхала, будто Марья Ивановна говорила Клавдии Сергеевне, будто „немка“ передавала Мирону Петровичу, что директор сказал насчет того, что в школу приедет...

Лида встала на учительский стул:

— Угадайте, кто!

— Ну, кто? — зашумел класс. — Ну, из газеты кто-нибудь!

— И нет!

— Ну... новая по географии?

— Нет!

— Ну...

— Говори, кто! — закричал Леша Шустиков и дернул Шишмареву за галстук.

— Иди ты! — отступила Лида. — К нам... в школу... приедет... настоящий... живой...

Она повернулась к доске, застучала мелом. И все прочитали:

Писатель

— Какой писатель?

— Неизвестно какой! Настоящий!

— Очень им нужно по школам разъезжать, — сказал Женя Эратов, — что они, артисты, что ли?

— Вроде! — сказал Сашка Лебедев. — В двадцать пятую приезжал один... живой тоже... ва-а-жный!

— Неужели они все равно, как мы, такие же? — сказала Кланя Сапожок.

А Леша пристал к Лиде:

— Шишма, признавайся — загнула насчет писателя?

— Нет, да! — звонко ответила Лида. — И пускать будут только отличников! А таких грубиянов, как Лешка, не будут, не будут!..

— Врешь! Врешь! — завопил Леша.

А через день на школьной двери появился плакат:

СЕГОДНЯ
ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ
Приглашаются все учащиеся, а также родители

— Ага, все учащиеся! — обрадовался Леша и опять пристал к Лиде: — Что, насочинила про отличников?

А Женьке Эратову сказал:

— А вдруг он меня вызовет к доске, что тогда будет?

Лида засмеялась:

— Он с тобой и говорить не станет, с таким...

— А ты не мешайся в чужой разговор! С ним я, небось, по-другому буду говорить! Потому что это вам не девчонка, а писатель!..

Он отвел Женю в сторону:

— Охота была тебе с ней водиться!

— С кем это?

— Ну, с Шишмой! Заступаешься за нее! Все они плаксы! Из таких и писатели не выходят. И ничего.

— А из тебя выйдет! — усмехнулся Женя. — Она лучше тебя в тысячу раз.

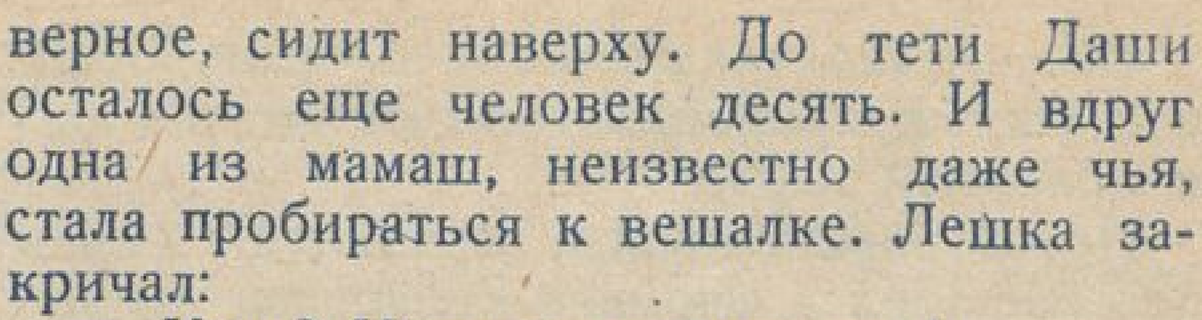
Леша обиделся и замолчал. На уроках он сидел плохо и все думал о писателе. Потому что писатели, верно, не такие, как все, а особенные.

Он готовился к встрече. И вся школа готовилась. Женя Эратов нарисовал приветственный лозунг. Редколлегия издала экстренный номер „Счастливое детство“. В зале на полочке выстроились книжки писателя. Искали его портрет — не нашли.

К вечеру в школе стало людно. Пришли и ребята, и родители, и так кое-кто — всем интересно поглядеть на живого писателя. Тетя Даша едва управлялась принимать пальто. Леша, нарядный, приглаженный, кричал на всех:

— В очередь! В очередь!

А сам норовил без очереди. Его не пускали. Он злился. Писатель уже, на-



верное, сидит наверху. До тети Даши осталось еще человек десять. И вдруг одна из мамаш, неизвестно даже чья, стала пробираться к вешалке. Лешка закричал:

— Куда? Не видите — очередь!

Женщина оглянулась. Серые внимательные глаза посмотрели на Лешу. Но Леше было не до глаз.

— Можете постоять. Думаете, раз родители, то и надо лезть!

Поднялся шум.

— Тетя, не слушайте! Проходите! Он известный грубиян! Лешка, как тебе не стыдно?

Но женщина ушла из раздевалки. Все накинулись на Лешу. А он под шумок сдал пальтишко и, расталкивая народ, понесся в зал.

Там было полно ребят. Из парт и стульев устроили ряды, как в театре. На стульях — родители, педагоги, на партах — ребята. Вон и Лидка. Ну, и Женя, конечно, неподалеку. Леша уселся за Женей.

— Интересно, Женя, — сказал он нарочно, чтобы Лида слышала: — будет писатель вызывать девчонок?

Но Женя не успел ответить. Все вдруг поднялись и захлопали. Пробежал шопот: „Писатель, писатель!...“ Спины и головы мешали Леше видеть. Он толкнул Женьку. Женька отодвинулся. И Леша увидел писателя. У писателя были светлые волосы, собранные золотистым узлом на затылке, гладкое темное платье, нитка бус вокруг шеи и серые внимательные глаза.

Лешка покраснел и низко-низко пригнулся к парте. Он боялся взглянуть на писательницу. Притаившись, как мышь, за Жениной спиной, он прислушивался к звучному женскому голосу:

Пять у звезды лучезарных концов,
Пять у страны легендарных бойцов.
Солнце играет на первом конце...
Слушайте песню о первом бойце.



Все сидели тихонечко и слушали. Леша все крепче прижимал горячие щеки и лоб к холодной парте.

Потом приподнялся, вздохнул, опять сел, нашарил в кармане карандаш, нашел в парте клочок бумаги и стал быстро-быстро писать, прячась от соседей. Потом тщательно сложил записку, написал сверху: „секрет" и толкнул Женю:

— Передай туда... Сзади послали!

Письмо отправилось к писательнице. Леша стал смотреть в щелочку между Жениным ухом и Лидиными волосами. Писательница отпила воды из стакана, развернула „секрет" и прочитала про себя:

„Я не знал, что вы писательница, я думал, чья мамаша. Я очень извиняюсь за раздевалку. А только я не знал, а не нарочно. И еще вам скажу стихом:

К нам писательша пришла,
будто солнце взошла.
Писал поэт,
имя нет. .

Писательница сложила записку и стала оглядывать зал, а сама улыбается.

— Кто писал „секрет", покажись!

Лешка съежился. Писательница помолчала.

— Значит, не хочешь показаться. Ладно! Я на тебя не обижаюсь. А вот мамы могут обидеться, почему их можно толкать? И солнце может обидеться. Разве так говорят: „будто солнце взошла".

Все засмеялись. Леша вскочил вдруг и глухо сказал:

— Это я хотел, чтоб складней было.

Все снова засмеялись.

— Вот и открылся „секрет", — сказала писательница, улыбаясь.

Леша быстро опустился на парту и взмолился:

— Женька, закрой меня! Лидка! Женька же!

Все оглядывались на Лешу, все хлопали и смеялись. А писательница все улыбалась.

— Не прячься—все равно я теперь тебя запомнила. Хочешь, приходи к нам в литературный кружок, который будет при школе.

А когда она приехала через месяц и увидела, как Леша сидит среди литкружковцев, около Лиды Шишмаревой, она его сразу узнала и протянула ему руку:

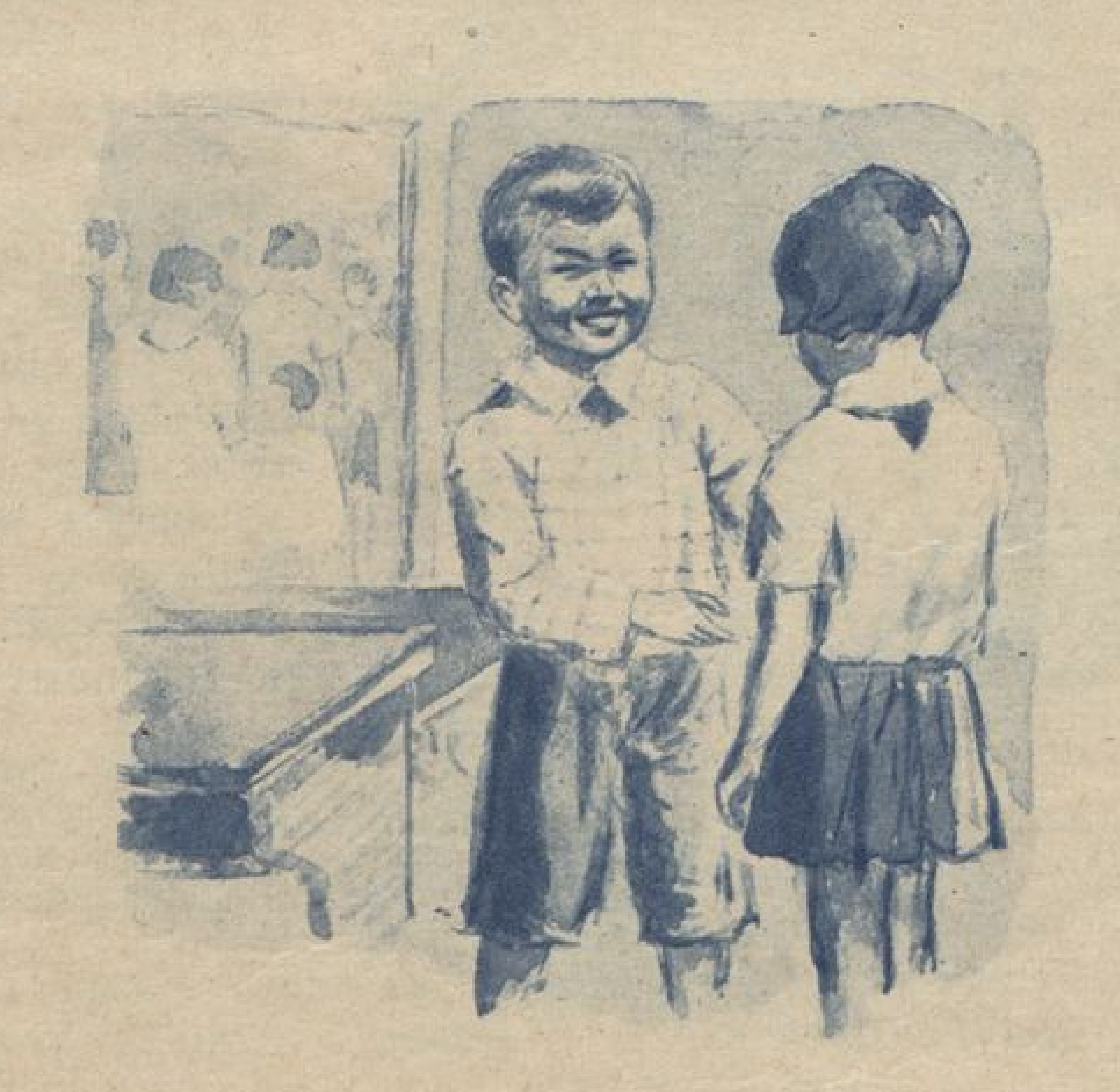
— Здравствуй, поэт, имени нет!

Леша покраснел, поклонился.

После кружка все провожали писательницу. Леша переждал всех, потом догнал Лиду и вдруг сказал:

— Знаешь, Лидуха, а ведь писательница, пожалуй, тоже... бывшая девчонка, а?

— А ты думал как?—гордо ответила Лида.





Ку-ку!

П. Тычина
Худ. К. Кузнецов

А я цветов нарвала
в лесу на бережку.
Березка мне кивала,
кукушка куковала:
— Ку-ку!

Я зайчика видала —
прижался он к пеньку.
Его бы я поймала —
кукушка испугала:
— Ку-ку!

Перевод с украинского
З. Александровой

КРОТ

Худ. Д. Горлов

А. Оленич-Гниенко



Видишь — кочки чернозема
у деревни там и здесь.
В этих кочках незнакомых
кто-то дышит, кто-то есть.

Под землей, в глубоких норах,
тишина и темнота.
Только слышен мягкий шорох
пробежавшего крота.

Черный крот — охотник ловкий:
он улиток и жуков
в потаенных ходах ловит
без капкана и силков.



Илья Ефимович РЕПИН

А. И. Архангельская

Знаменитый русский художник Илья Ефимович Репин родился в 1844 году на Украине, в городе Чугуеве, в семье отставного солдата. В детстве ему пришлось терпеть нужду и лишения.

„У нас было и бедно и скучно", рассказывал Репин, вспоминая свои детские годы.

Рано пришлось юному художнику начать зарабатывать хлеб своим трудом. Еще маленьким мальчиком он увлекался рисованием. Он даже получал заказы на свои работы от подруг своей сестры и рисовал акварелью розочки, которыми они оклеивали свои сундучки.

С большой любовью вырезывал он из бумаги лошадей с густыми хвостами и гривами и наклеивал их на стекла окон. Любопытные прохожие собирались у окон его дома и разглядывали выставку маленького Илюши.

В течение года учился Репин рисовать у одного из чугуевских художников. Ему было уже пятнадцать лет, и все в Чугуеве знали его как художника. Только этого молодому Репину было мало. Он хотел стать настоящим художником — научиться писать не только портреты, но и большие картины. Кое-как собрал он денег и поехал учиться в Петербург, в Академию художеств.

Трудно жилось Репину в Академии. Непрерывным трудом приходилось ему добиваться знаний.

В Академии он пробыл десять лет, и после ее окончания за выдающиеся успехи его послали учиться за границу.

Еще до окончания Академии написал он свою знаменитую картину „Бурлаки", изображающую тяжелый, мучительный труд. Эта картина принесла славу художнику и сделала его имя известным и в России и за границей.

Много написал картин в течение своей жизни Репин; в одних, как, например, „Проводы новобранца", он изображал крестьянское горе, в других — борьбу с царским правительством и помещиками. „По грязной дороге", „Арест пропагандиста", „Не ждали" — эти картины у народа пробуждали ненависть к царю и помещикам.

Эти картины царское правительство запрещало показывать.

Всю свою долгую жизнь Репин отдал своему любимому искусству. Он дожил до 86 лет и умер в 1930 году. Имя его как художника известно всему миру. На его картинах учатся работать молодые художники великого Советского союза.

СТИХИ Н. А. НЕКРАСОВА

„РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА“

ОТРЫВОК

...Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу; чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется—
То бурлаки идут бичевой!
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великóю скорбью народной
Переполнилась наша земля...

Это стихотворение великий поэт написал почти восемьдесят лет тому назад, бесстрашно рассказывая правду о том, как жили тогда миллионы крестьян под гнетом царя и пóмещиков.



„Бурлаки“. С картины И. Е. Репина.



Широко раскинулась советская республика Казахстан. Она начинается в ковылях Оренбургских степей и кончается Балхашскими песками.

Еще недавно из столицы республики нужно было ехать четверо суток на лошадях до ближайшей железнодорожной станции. А теперь по всему Казахстану проложены стальные рельсы, по которым со скоростью ветра мчатся мощные паровозы „ИС".

В Казахстане есть голубое, как летнее небо, озеро Балхаш. Это озеро огромно, как море, с такою же горько-соленою водой. В нем водится замечательная рыба „саринка", вроде нашей форели, с пестрыми крапинками на спинке.

Недавно по этому озеру стали ходить пароходы, которые раньше казахи видали только на картинках.

Казахстан — богатая страна.

В горах, где раньше паслись дикие козы, открыты богатые залежи свинца, каменного угля и серебра.

Столица Казахстана—Алма-Ата, что в переводе значит „Отец яблок". Здесь растут самые большие яблоки в Советском союзе.

Горные пастбища Казахстана покрыты бесчисленными колхозными стадами баранов, лошадей, верблюдов.

Часто у костра старые чабаны—пастухи,—вспоминая ушедшие времена, рассказывают сказки о тяжелом прошлом.

Одну из этих сказок ты сейчас прочтешь.

Жадный бай

Казахская сказка

Обработала Л. Лесная
Худ. А. Брей

В давние времена жил на свете Чагай-бай. Ему принадлежали бесчисленные стада баранов, быков и лошадей. Но ничто не могло насытить его жадность, которая не имела пределов.

Он нарушал священный закон гостеприимства, и дверь его юрты оставалась закрытой для проезжающих путников.

Слух об этом дошел до Алдар-косе, и он решил проучить жадного бая. Подоткнув фалды за пояс, он отправился в путь. Под вечер он добрался до аула Чагай-бая и осторожно подкрался к его юрте. Посредине юрты на тагане кипел котел. Сам Чагай-бай, толстое лицо которого лоснилось, как засаленный халат бедняка, сидел, засучив рукава, и начинял кишку жирным лошадиным мясом. Его жена, пожелтевшая от злости женщина, месила тесто; сын, лицо которого было подобно луне, палил на огне лошадиную голову, а дочь Чагай-бая, Биз-бике, стройная, как молодой тополь, щипала в глубине юрты фазана.

Алдар-косе решительно вошел в юрту и сказал с поклоном:

— Ассалям-аллейкум!

Неожиданное появление Алдар-косе вызвало переполох. Мгновенно исчезла колбаса, тесто, лошадиная голова и фазан.

Алдар-косе сделал вид, что ничего не заметил и, не дожидаясь приглашения, сел в передний угол юрты.

Чагай-бай, оправившись от смущения, сказал:

— Будь здоров, Алдар-косе! Что есть в степи нового? Рассказывай!

— Что тебя интересует, добрейший Чагай-бай? То ли, что я видел, или то, что я слышал?—хитро улыбаясь, спросил Алдар-косе.

— Все, что мы слышим, бывает ложно. Лучше рассказывай, что ты видел.

Алдар-косе закусил правый ус и, оглянувшись кругом, начал:

— Шел я к тебе и встретил на дороге желтую змею, которая свернулась, как та колбаса, которую ты спрятал под себя, любезный Чагай-бай. В испуге я схватил черный камень величиной с лошадиную голову, находящуюся под твоим сыном, и бросил в змею, которая расплющилась от удара, словно тесто под твоей женой. Если я лгу, то пусть меня общиплют, как того фазана, что под твоей дочерью!

Чагай-бай покраснел от злости и с размаху швырнул колбасу, лошадиную голову и фазана в котел, сказав:

— Варитесь же в котле пять месяцев!

Алдар-косе, не задумавшись, добавил:

— Сидеть же мне здесь десять месяцев!

Сказав это, Алдар-косе снял сапоги и, спрятав руки за пазуху, лег спать.

Чагай-бай, видя, что Алдар-косе лег спать, последовал его примеру, и вскоре в юрте послышалось дружное храпение.

Ночью Алдар-косе на цыпочках подкрался к котлу и, выловив фазана, начисто его обглодал и, спустив кости в котел, закусил колбасой. Затем он бросил в котел кожаные чашбиры дочери Чагай-бая, изрезав их на мелкие части, и, распустив свой пояс, лег спать.

Вскоре проснулся голодный Чагай-бай и, разбудив пинком свою жену, приказал подать ужин, не будя уснувшего гостя.

Протирая сонные глаза, байбиче сняла котел с треножника, выложила из котла пищу и подала мужу.

С жадностью набросился бай на еду, но как он ни старался разгрызть кусочки кожи, это не удалось ему. Со злостью плюнул он на пол и, голодный, лег спать.

На рассвете Чагай-бай проснулся и, заметив, что Алдар-косе вышел во двор, приказал жене налить ему ведро айрану, решив выпить его потихоньку от Алдар-косе в поле.

Байбиче налила небольшое ведерко айрана и подала мужу. Чагай-бай спрятал его под халат.

Алдар-косе подглядывал за происходящим в щелочку и подошел к Чагай-баю, словно желал проститься. Он начал прижимать его к своему сердцу и раскачивать из стороны в сторону.

Айран начал плескаться, и вскоре под ногами Чагай-бая образовалась лужа.

Чагай-бай с зубовным скрежетом стал просить Алдар-косе погостить еще немного, и тот охотно согласился.

Чагай-бай отправился объезжать свои бесчисленные стада, а Алдар-косе стал думать, как бы насолить жадному баю.

Когда солнце стояло над головой, Чагай-бай вернулся из своей поездки и приказал байбиче испечь ему лепешку.

Через несколько минут румяная лепешка была готова.

В тот момент, когда Чагай-бай поднес ее к своему рту, в юрту вошел Алдар-косе. При виде его Чагай-бай мгновенно спрятал горячую лепешку подмышку.

Заметив это, Алдар-косе подошел к Чагай-баю и, прижимая его к сердцу, сказал:

— О, добрейший Чагай-бай! Ты подобен серебряной подкове на копыте волшебного бегунца! Слава о твоей доброте велика, как Иссык-кульское озеро!

Лепешка невыносимо жгла Чагай-бая; не выдержав, он разжал руку, и она шлепнулась на землю. Голодная собака, вертевшаяся в юрте, схватила ее и с радостным воем выбежала на улицу. Чагай-бай бросился за нею, но собака была проворнее бая, и он не догнал ее.

Вечером Алдар-косе пораньше лег спать и притворился спящим.

Будучи уверен, что гость крепко спит, Чагай-бай стал советоваться со своей женой, как бы им отделаться от гостя.



— Зарежь его лошадь, — посоветовала ему жена.

Алдар-косе беспокойно заерзал под своим халатом. Заговорщики смолкли и отложили свои замыслы до утра.

Встревоженный Алдар-косе, стараясь не разбудить спящих, вышел из юрты в конюшню. Замазав сажей белое пятно на голове своей лошади, он вымазал голову лошади Чагай-бая мелом. Перед рассветом он проснулся от крика.

— Гость, гость, твою лошадь укусил кара-курт[1]! — кричал бай из конюшни.

— Так зарежь ее скорее, чтобы не пропало мясо! — закричал в ответ Алдар-косе.

Чагай-бай, довольный своей ловкой выдумкой, зарезал лошадь.

Наутро Алдар-косе вместе с Чагай-баем направился свежевать лошадь. Опустившись на колени, Алдар-косе стал жаловаться на судьбу, отнявшую у него последнюю лошадь, и незаметно стер мел с ее головы. Тогда он радостно вскочил на ноги и вскричал:

— О, благодарение судьбе! Добрейший Чагай-бай, это не моя лошадь! Ты зарезал свою.

Он подвел к изумленному Чагай-баю свою лошадь, стерев с ее лба сажу.

Чагай-бай, кусая от злости губы, вынужден был вернуть Алдар-косе его лошадь.

Наконец, к большой радости Чагай-бая, Алдар-косе стал собираться домой. Сняв свои рваные сапоги, он попросил у Чагай-бая биз-бике[1]. Чагай-бай ответил, чтобы он обратился с этой просьбой к его жене.

Алдар-косе вежливо подошел к байбиче и сказал, что Чагай-бай приказал отдать ему их дочь Биз-бике. Старуха накинулась на Алдар-косе с бранью:

— Ах, ты, голотелый оборванец, чтоб я увидела твою смерть! Отдать мою ненаглядную красавицу Биз-бике такому нищему?

— Не кричите так громко и не плюйтесь, подобно верблюду, байбиче. Ваш муж приказал, ваше дело — его слушать.

— Мой муж еще не совсем выжил из ума, чтобы даром отдать свою единственную дочь.

— Давайте спросим у него, байбиче.

Они пустились вдогонку за Чагай-баем, и Алдар-косе крикнул ему издалека:

— О, добрейший Чагай-бай! Байбиче не хочет отдать мне Биз-бике!

Чагай-бай, не оборачиваясь, крикнул:

— Отдай ему биз-бике, лишь бы он поскорее уносил свои ноги!

Бай-биче от удивления разинула рот. Алдар-косе быстро запряг лошадь, посадил девушку позади себя и скрылся из виду, а старуха так и осталась стоять с разинутым ртом.

По дороге Алдар-косе встретил пастуха, гнавшего большое стадо баранов.

— Ассалям-аллейкум! Чье это прекрасное стадо?

---

[1] Кара-курт — ядовитое насекомое, от укуса которого в течение получаса издыхает верблюд или лошадь.

[1] Биз-бике — шило

— Это бараны жадного Чагай-бая, чтоб я увидел его смерть, — ответил пастух, голова которого была покрыта коростой.

— Что с тобой? — спросил Алдар-косе.

— Этот скряга Чагай-бай дал мне такой рваный чапан[1], что горные ветры свистят в его дырах, и я всю зиму дрожал от холода. Однажды я простудился, и голова моя покрылась коростой.

— Твоему горю легко помочь: стоит только зарезать молодого ягненка и свежей шкурой обернуть голову! Только необходимо пролежать таким образом неподвижно целые сутки.

— Но как же быть с моим стадом? Ведь бараны все разбегутся!

— Так и быть, я покараулю твое стадо, — с готовностью предложил Алдар-косе.

Пастух согласился. Зарезав ягненка, он завернул в свежую шкуру свою больную голову и прилег на траву.

Алдар-косе достал из-за пазухи клочок бумаги и карандаш и написал письмо:

„Мой добрейший тесть! Премного благодарю тебя за прекрасный свадебный подарок, который ты мне прислал. Я и дочь находимся в добром здравии и шлем свой привет“.

Положив письмо на видном месте, Алдар-косе сел верхом и поехал дальше.

Вскоре он увидел человека, пахавшего землю на сытых, прекрасных быках.

— Ассалям-аллейкум! Чьи эти прекрасные быки?

— Чагай-бая, чтоб я увидел его смерть, — злобно огрызнулся старик.

— О, добрый человек! Почему ты так злобно говоришь о своем хозяине?

— Я работаю на него с утра до ночи. Моего скудного заработка нехватает на то, чтобы прокормить моего сына Я уже стар, и поясница моя ноет.

Алдар-косе слез с лошади и сказал:

— О, бедный старик! Ляг и отдохни немного, а я за тебя поработаю.

Старик согласился, а Алдар-косе принялся пахать землю.

Когда измученный старик заснул, Алдар-косе отрезал быкам хвосты и закопал их в землю, оставив наружу торчать самые кончики. Затем он достал из-за пазухи карандаш и бумагу и написал:

„О, добрейший тесть! Я пользуюсь случаем сообщить тебе о необыкновенном происшествии. Твои быки, спокойно щипавшие траву, вдруг насторожили свои длинные уши и понемногу стали уходить под землю. Вскоре от них остались лишь только кончики хвостов. Так как я бессилен тебе чем-либо помочь, я шлю тебе свой привет и наши лучшие пожелания“.

Положив письмо на видном месте, Алдаркосе пустился в путь.

Чагай-бай, вернувшись домой, узнал о проделке Алдар-косе и пустился в погоню. Заметив на дороге письмо, он поднял его и задрожал от бешенства.

Подняв пинком ноги попрежнему лежащего пастуха, он осыпал его проклятиями и, потрясая кулаками, помчался дальше.

Какова же была его ярость, когда он увидел спящего старика и рядом с ним второе письмо!

Прочтя его, он схватился за бычий хвост, торчавший из земли, и с силой потянул его. Усевшись на корточки, он бессмысленно посмотрел на кончик хвоста, оставшийся у него в руке, и лопнул со злости.

Так была наказана жадность бая. А слава о хитрости Алдар-косе жива до сих пор.



[1] Чапан — шуба.

МУРЗИЛКИНА ГАЗЕТА

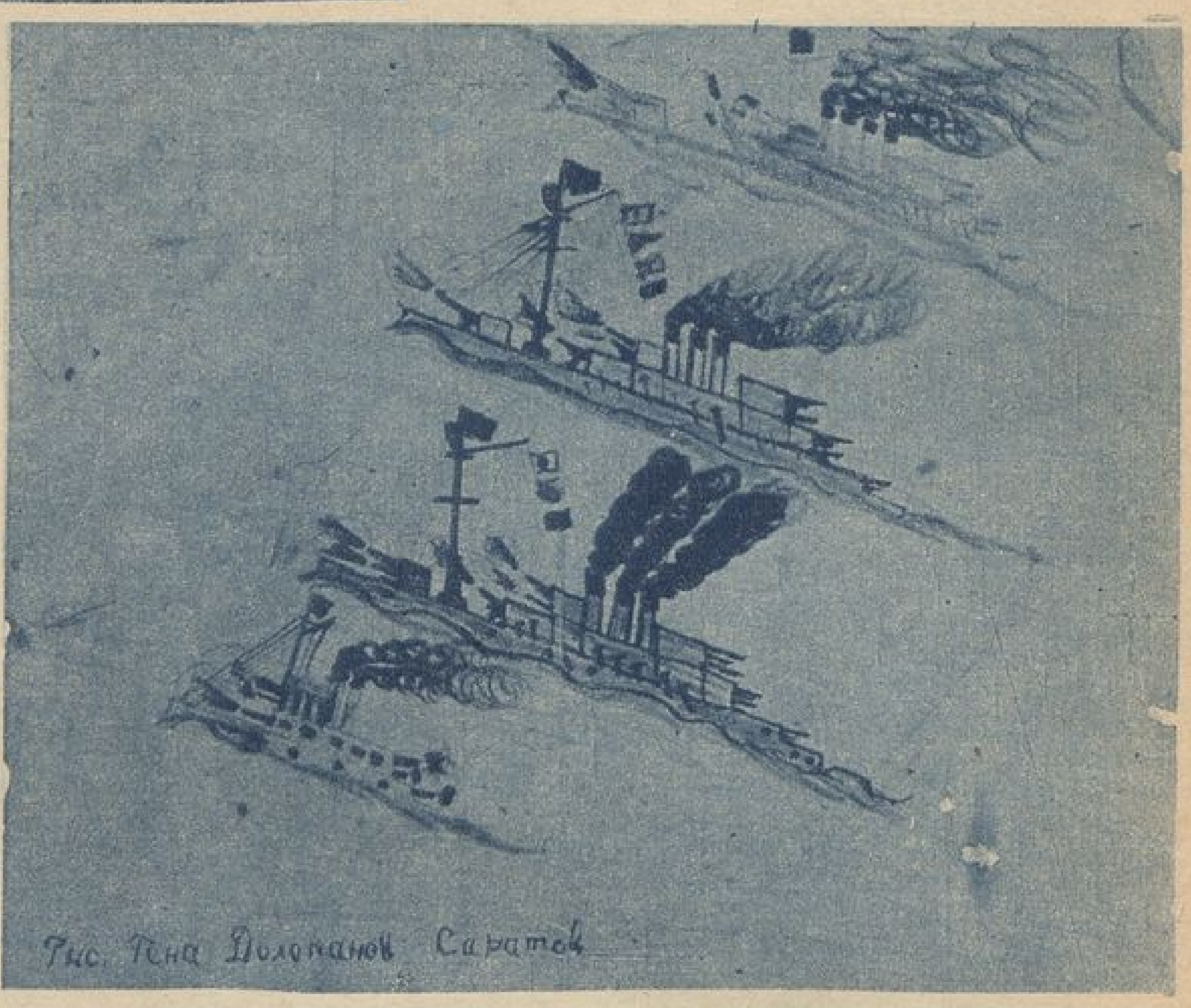
Ребята со всех концов страны присылали нам свои предложения, как назвать газету. Названий было придумано очень много. Но большинство ребят предлагали назвать „Мурзилкина газета“. Так мы ее и назвали.

Не забывайте писать в „Мурзилкину газету“ о своих приключениях, присылайте рисунки, головоломки, задачи.

ПЛАКСА

Когда я учился в первом классе, то в первом месяце не сделал ни одной ошибки. На второй месяц я ошибся и расплакался. Когда кончился урок, ребята окружили меня и начали хлопать в ладоши, дразня: „Плакса! Плакса!“ Первый год я несколько раз делал ошибки и несколько раз плакал. И каждый раз после урока ребята дразнили меня. На второй учебный год, когда делаю ошибку, мне тоже хочется плакать, но я переношу это из-за того, чтобы ребята не дразнили меня плаксой.

Ст. Грязи, ЦЧО *Павел Бессонов*



ТРИ МЕДВЕЖОНКА

Мой папа заведует учреждением где изучают различные болезни домашних и диких животных.

У нас во дворе всегда разные звери: лисица, ежи, куница, черепахи, кролики, морские свинки, буйволы, бараны. В феврале месяце этого года охотник в горах убил медведицу; у нее остались три медвежонка, которым было только по четыре дня от рождения. Когда их принесли к нам, они не умели ходить, а только ползали, но уже смотрели хорошо. В феврале месяце их пришлось поместить в лабораторию, в ящик около печки, а чтобы им не было холодно, сверху их покрывали теплым одеялом. Медвежата жалобно пищали— видимо, звали свою мать. Назвали мы их Мэри, Дуглас и Фербенкс.

Я стал их кормить молоком. Вначале я наливал молоко в блюдце, но они не могли пить из блюдца, и пришлось кормить их из резиновой соски, которую надевали на бутылочку. Из бутылочки они пили молоко охотно и с каждым разом выпивали все больше и больше.

Кормили мы их с мамой по нескольку раз в день, а иногда и ночью, когда они, видимо, проголодавшись, начинали жалобно пищать. Через месяц они уже значительно выросли и стали очень



забавными: когда их кормили, то они становились на задние лапки и старались передними поддерживать бутылочку.

После кормежки они обычно затевали игры: бегали по комнате, забирались на стулья... Особенно комична была Мэри. Хитро скосив свои голубые глаза, она лезла на папин письменный стол, сбрасывала лежавшие там бумаги на пол, и через несколько минут от этих бумаг оставались только жалкие клочки. Дальше в лаборатории медвежат держать уже стало невозможно. Они устраивали настоящий погром: залезали в футляры от микроскопов, в шкафы, выбрасывали оттуда все бумаги. Поэтому с наступлением теплых дней их перевели сначала на застекленную веранду, а потом во двор.

Во дворе им, конечно, стало больше простора. Весь день они бегают друг за другом, играют, кувыркаются, лазят по лестнице, причем каждый стремится добраться до верха раньше других. По водосточной трубе залезают до самой крыши.

Ко мне часто заходят играть мои товарищи, и мы строим из песка крепости, города. Но стоит нам уйти только на минутку, как они поломают все наши постройки, заберут все игрушки и играют ими, лежа на спине. Особенно они любят купаться.

Однажды к нам во двор привезли несколько возов земли и свалили ее в кучу. Тотчас же эта куча была ими облюбована для их игр. Они катались по ней, кувыркались, съезжали сверху вниз, лежа на животе, и т. д. Но вот заметили,

Крошка-Антошка

Топ-топ ножки
по садовой дорожке.
Чьи же это ножки?
Может, они кошки?
Нет, они не кошки,
маленькие ножки,
а карапуза-крошки,
мальчика Антошки.
В красной рубашонке,
голые ножонки,
он бежит к сестренке,
протянув ручонки.
Оступилась ножка,
падает Антошка.
Ой, как заорал!
Ой, какой скандал!

Москва

Селим Хан-Магомедов, 8 лет



что из кухни вынесли корыто, наполненное водой, с только что вымытым бельем. Тут они бросились к корыту и, все грязные, начали в нем барахтаться. И, конечно, бедной хозяйке пришлось снова стирать все белье.

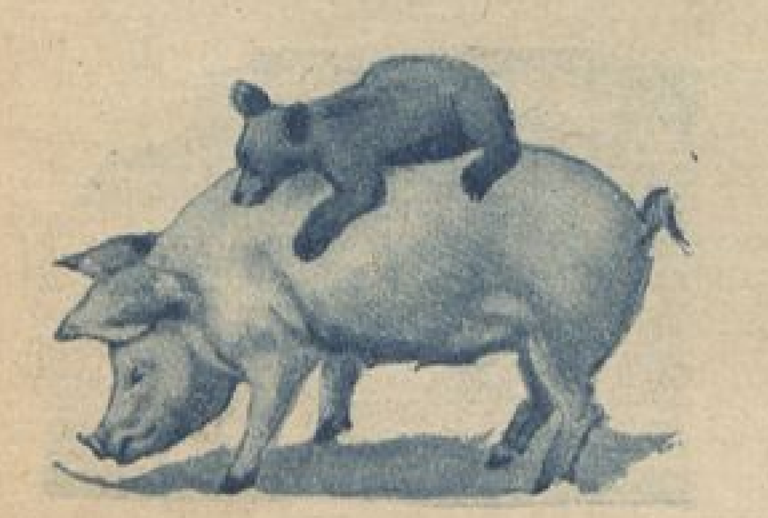
Мэри очень любит сидеть на задних лапах и наблюдать за проходящими по двору. Когда ее попросят, она подает лапу. Она стремится всегда первою подойти ко мне или к маме, чтобы получить порцию орехов.

Теперь они свели дружбу с маленькой собачкой и свиньей. Они забираются на спину свиньи, и та терпеливо сносит все их проделки.

Сейчас медвежата уже значительно выросли, стали большие.

Дагестан

Юрик Золотарев



ПРО БЕЛКУ

У меня дома живет белочка. Когда я ее принес домой и дал сухарик, она побежала по занавеске, уселась на карнизе и зацокала: цик, цик, цик... С этого дня я ее назвал Цикой. Она знает свое имя и послушно идет, когда я ее зову.

Один раз, когда я пришел домой, белки не было. Я очень горевал о беглянке. Но на другой день она вернулась через окно.

Она совсем ручная и любит сидеть у меня на плече и есть сухарик или сахар. Мама ей часто дает сахар. Белочка весь сахар не съедает, а куда-нибудь запрячет и лапками зароет.



Белочка и сама любит забираться поглубже. Другой раз мы ищем, ищем беглянку, а она где-нибудь в папином пиджаке в кармане сидит, а когда ее найдут, ворчит и, если к карману поднести палец, начинает кусать его через карман.

Я вообще люблю наблюдать за зверями и за растениями. У меня были: морская свинка, черепахи морская и сухопутная, уж, белые мыши и крысы, птичка, рыбки, собака, кошка, ежик и кролики.

В следующий раз напишу об еже.

Москва *Лева Розанов, 9 лет*

ГОРНЫЙ ОРЕЛ

Рассказ

I часть

Уже настала ночь. В семье Орловых не спал только Женя. Он думал: „Сегодня в школе мы проходили орла. Учительница говорила, на Кавказе водятся орлы. Орел достигает огромных размеров. Он питается мясом...“ И с этим Женя уснул.

II часть

И снится ему, как он едет на пароходе. Вдруг он увидал овцу, которая паслась в горах. Он взмахнул крыльями, полетел, вонзился когтями в овцу, долбанул ее клювом и... проснулся. Он лежал на полу, а из носа текла кровь.

Москва *Юра Римский, 10 лет*



У меня дома находится шелковичная фабрика. У меня дома 22 шелковичных червя. Я каждое утро угощаю их свежими листьями. Они уже стали большими и скоро будут вязать нитки.

Дорогая редакция! Я хочу, чтобы вы ответили мне, правильно я их кормлю или нет.

Рита Багдасарян

Эривань

Ответ

Шелковичные черви питаются листьями только тутового дерева. Когда черви еще маленькие, листья для них нарезают тонкими полосками, а когда вырастут, то дают целыми ветками. Листья дают только совершенно свежие. Их кладут на бумажку с дырочками.

Советуем сходить на шелководческую станцию, которая есть у вас в Эривани.



Перед вами лабиринт с двумя входами. Попробуйте, каким путем можно быстрее добраться до центра.

В. Афанасьев

Минск





КОПЧУШКА

Л. КУРЧЕВСКИЙ
Худ. Г. НИКОЛЬСКИЙ

Мы решили поохотиться на медведей в ущелье реки Ах-Чай.

Это ущелье находится на Кавказе, в Азербайджанской республике.

Мы отправились туда на нашей восьмиколесной вездеходной машине, сделанной специально для охот и путешествий.

Эта чудесная машина может проехать по любой дороге. В ее крытом просторном кузове есть два мягких спальных места. Есть еще стол, шкапчики для посуды и продуктов, радио и электрическое освещение. Есть даже походная кухня, где можно кипятить чай, печь хлеб и жарить мясо. Эта кухня отапливается выхлопными газами мотора.

Ранним утром приехали мы в аул, который затерялся у подножия высокого дагестанского хребта, в ущелье Ах-Чай.

Здесь нас встретил лезгин, охотник Гассан. Он с жаром рассказывал о том, сколько здесь в горах медведей. Он говорил по-турецки; но нам и без слов были понятны его жесты и блеск черных, с синеватыми белками, глаз. Мигом вооружился он старинной дедовской пищалью и взял пять лохматых дворняжек с непривычными для нашего слуха именами.

К нам присоединился русский охотник Коля, рабочий лесопильного завода.

Оставив автомобиль в деревне, мы тут же отправились вверх по ущелью на охоту.

На местном языке Ах-Чай значит „белая вода". Действительно, по дну ущелья, разделяясь на несколько потоков, течет быстрая речка. Она стремительно несется по уклону, белея и пенясь на камнях.

Сейчас воды мало, но во время дождей в горах речка бурно разливается. Воды ее становятся грязно-бурого цвета и с шумом мчатся вниз, к далекому морю.

Огромные деревья, вырванные с корнем, несутся тогда, кувыркаясь и исчезая в пене. Большие обломки скал катит тогда река напором своих разгулявшихся вод. Но пройдут ливни в горах, и опять чистые белые воды вскипают на камнях, не в силах сдвинуть их с места.

По этой речке и поднимались мы, собираясь сделать в горах облаву на медведей.

Скоро мы вышли на большую поляну, где видны были остатки какого-то селения.

На поляне росли старые, корявые яблони и груши, краснели на солнце сочные ягоды алычи и возвышались столетние деревья грецкого ореха.

Сюда часто приходят медведи полакомиться фруктами. Видны поломанные ветви ореха и следы когтей на коре яблонь.

Пройдя еще немного, мы опять вышли на речку. Мы рассыпались цепью здесь и стали ждать. Загонщики давно ушли в горы и скоро начнут гнать зверя на нас.

В ста шагах передо мной, на противоположном склоне ущелья, видны звериные тропы. В случае удачного гона по одной из них может спускаться медведь.

У самых ног шумит речка. Я смотрю на ее пенящиеся струйки. Она течет както без всякого порядка. То, разлившись по широкому каменистому руслу, чуть покрывает мелкие круглые гальки, то, сразу собравшись в узкий сердитый поток, как никелированный штопор, зло вьется и крутится меж камней.

Низкое нарастающее гудение заставляет меня вздрогнуть и схватиться за ружье. И сейчас же становится смешно и немножко стыдно. Я испугался большого черного жука. Он деловито пронесся мимо моих ног, описал круг и, наткнувшись на сучок, повалился на спину. Я хочу помочь ему перевернуться и вдруг слышу голоса загонщиков и лай собак. Два выстрела раздаются в горах.



И вот на склоне, как раз против меня, покатились камешки.

Зашелестели ветки кустов, и рыже-голубая сойка с криком вылетела из чащи.

Сердце бьется, кровь шумит и стучит в висках.

Я боюсь шевельнуться. Я жду.

Кто-то пробирается в густой чаще. Закачались кусты, и вот на самом краю леса, нескладно загребая передними лапами и нагнув голову, идет медведь. Выйдя на чистое место, он останавливается и нюхает, поводя носом.

Сорвавшийся камень пугает его. Он

смешно пятится и крутит головою. Потом решительно направляется к речке.

Ему надо уходить скорее, а то догонят собаки. Легкой рысцой, вперевалку бежит медведь прямо на меня, обходя камни или перелезая через них.

Он ужасно неловок, и в то же время какая-то скрытая легкость чувствуется в его косолапом беге. Перейдя через речку, медведь подходит к моей засаде.

Я встаю из-за камня и поднимаю ружье.

Прежде чем выстрелить, я успеваю увидеть, как от испуга и изумления изменилась морда медведя. Маленькие глазки расширились и стали совсем круглыми, нижняя губа вытянулась вперед и оттопырилась, открыв большие желтые клыки.

Наверно, он не знает, что делать: бежать ли ему от нового врага или напасть на него?

Прижав уши и не поднимаясь на дыбы, со всех четырех ног он кидается на меня.

В тот же момент гремит выстрел, за ним второй.

Я быстро отскакиваю в сторону и вновь заряжаю ружье. Но медведь уже не страшен. Лежа на боку, он взмахивает лапами, как будто продолжая прерванный бег.

Я подхожу к мертвому зверю.

Это медведица. Пуля пробила голову около правого уха.

До меня доносится яростный лай. Собаки лают на одном месте за речкой, недалеко от меня. Наверно, они остановили еще медведя.

С ружьем наготове я бегу на лай, ожидая увидеть раненного загонщиками медведя. И вдруг я вижу: прижавшись к камням, как будто стараясь втиснуться в них, сидит маленький рыжий медвежонок. Он ростом поменьше дворняжки и испуган до полусмерти. Собаки никак не могут схватить его с боков и сзади. Он злобно фыркает и выставляет лапы, вооруженные длинными когтями.

Сняв кожаную куртку, я набрасываю ее на медвежонка и тащу его из щели. Он визжит, фыркает, хочет укусить и поцарапать меня.

Гассан и Коля, запыхавшись, прибежали к нам.

Мы сажаем медвежонка в заплечный мешок и так несем в деревню. Он барахтается, испуская крики отчаяния и бессильного горя.



Пока обдерут шкуру и по частям перенесут к автомобилю мясо медведицы, пройдет немало времени. Поэтому мы решаем сегодня ночевать у Гассана.

Гассан — зажиточный колхозник. Его дом сложен из дикого камня и крыт черепичной крышей. При входе в дом нам, по турецкому обычаю, приходится снять обувь.

Большая полутемная комната устлана коврами. В углу, прямо на земляном полу, дымится очаг. Нет никакой мебели. Поджав ноги, мы садимся на ковер. Нам предлагают плов из барашка и горячий душистый чай.

Спать мы располагаемся здесь же на коврах, где стелют нам чистое белье и кладут подушки.

Чтобы собаки не заели медвежонка ночью, мы сажаем его в машину и запираем окна и двери.

Наутро я вышел из дома проведать пленника.

Если бы наш автомобиль скатился кувырком с самой высокой горы на Кавказе, вряд ли в нем был бы такой беспорядок, как теперь.

Вчера перед охотой мы пили кофе. Большая початая банка со сгущенным молоком осталась в машине.

Когда я отворил дверцу, мне навстречу из кучи нагроможденных исковерканных вещей двинулось диковинное существо.

Наш вчерашний маленький медвежонок превратился в невиданную четвероногую птицу.

Опрокинув банку с молоком, он весь измазался в сладкой тянучке, а затем, растерзав спальный мешок и подушку, вывалялся в пуху.

Долго приводили мы в порядок наше разгромленное имущество. Печенье, сахар, конфеты были раскиданы и замусолены. Все смешалось с пухом и перьями.

Немало возни было и с медвежонком. Его пришлось отмывать теплой водой. Мокрый, взъерошенный и злой, сидел он потом в машине, привязанный уже на веревочке к задней дверце, подальше от вещей.

Всю дорогу до города Закаталы, куда мы возвращались с охоты, медвежонок возмущался и роптал. Он то недовольно бурчал что-то себе под нос, то вдруг принимался отчаянно трясти головою и реветь благим матом.

В городе на наш двор сбежались все ребятишки Закаталы. Они наперебой предлагали Мишке всякое угощение. Он не отказывался ни от чего. Смешно вытягивая губы, он потихоньку брал из рук конфеты, кусочки сахара и печенье. Особенно ему нравились орехи. Мы все ждали, пока он, наконец, насытится, но так и легли спать, оставив его на дворе привязанным на шнурок и, видимо, голодным, как и раньше.

Наутро нас разбудили шум и крики на дворе. Шнурок был оборван, медвежонок исчез.

Напрасно мы обегали все соседние дворы и улицы, напрасно обшарили все закоулки — медвежонка не было.

Жители Закавказья не любят готовить пищу в доме. Печки стоят у них прямо на дворе, под открытым небом.

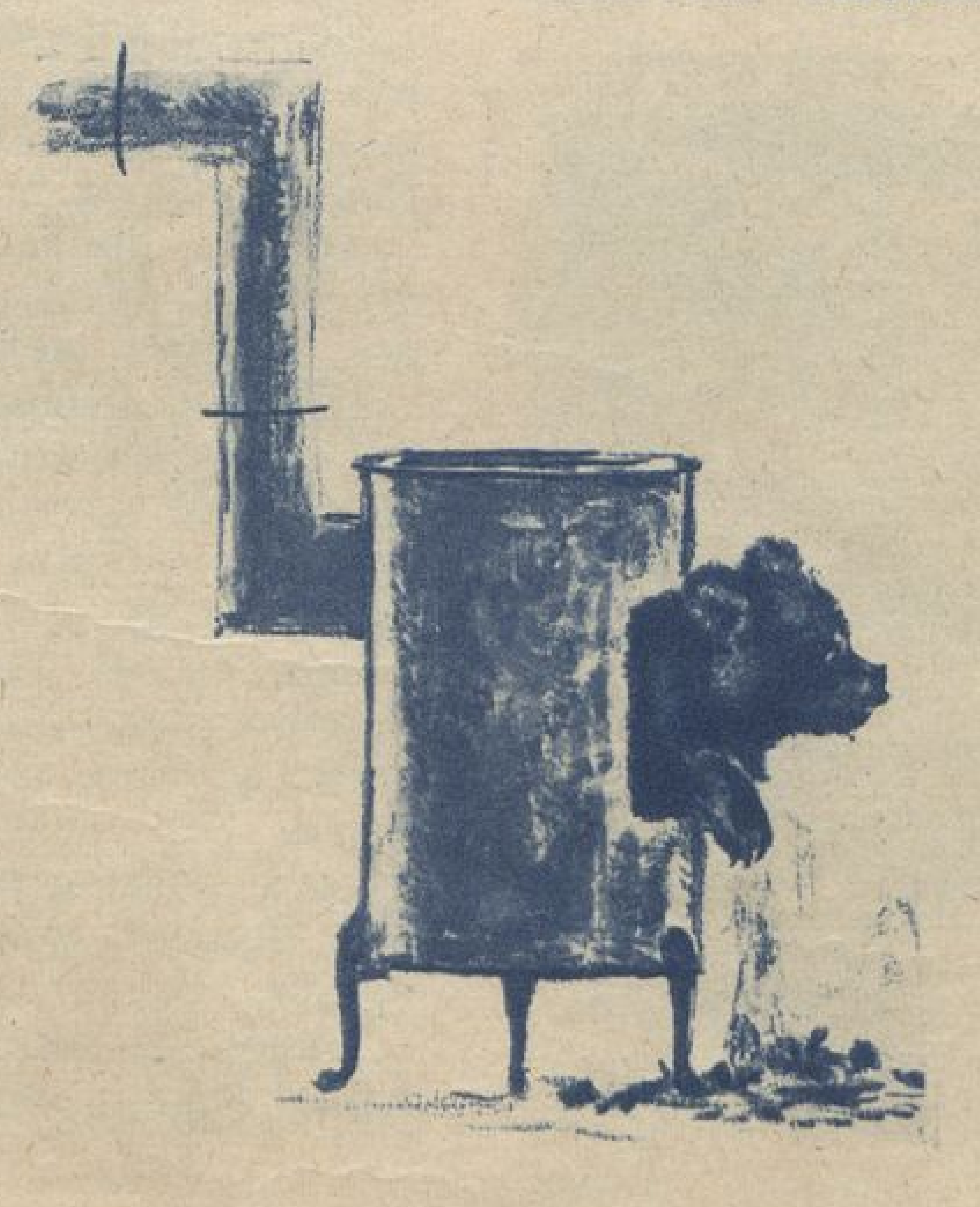
Наш хозяин захотел угостить нас котлетами из медвежьего мяса. Он попросил свою жену затопить маленькую железную печурку, стоявшую прямо во дворе около дома. Эти котлеты должны были готовиться особенным образом, и поэтому мы собрались вокруг печки, чтобы узнать секрет их приготовления. Наколов мелких сухих дровец, наша хозяйка зажгла большой пучок лучины и сунула его в печурку.

Совершенно неожиданно маленькая железная печка испустила отчаянный крик, подпрыгнула, уронила короткую дымовую трубу и, спотыкаясь и прихрамывая, пустилась наутек. Хозяйка ахнула от изумления и опустилась на землю. Печка пробежала еще немного, опрокинулась, и из нее выскочил опаленный перепуганный медвежонок.

Оторвавшись ночью с привязи, он забрался в укромный уголок и мирно заснул там до утра.

Долго потом не вырастала опаленная шерсть и пахло от медвежонка жженым волосом. Поэтому мы и прозвали его „Копчушкой".

Этот медвежонок поехал со мной с Кавказа на автомобиле в Москву. Сейчас он живет у меня в саду, на цепочке. Мы часто спускаем его для прогулок на свободе. Он стал совсем ручной.



НА ЗЕМЛЕ ФРАНЦА-ИОСИФА

Письма героя Советского союза М. Водопьянова с борта самолета



ПИСЬМО ПЕРВОЕ

До Архангельска мы летели над сплошными высокими лесами. Мы взяли старт на Нарьян-Мар, к берегам реки Печоры.

Не пролетев и часа, мы попали в пургу. Самолет бросает так, что механик Бассейн и радист Иванов, не привязанные ремнями, то и дело ударяются головой о потолок пассажирской кабины.

Внизу клубится снег. Где небо, где земля — не поймешь. К тому же вдруг нас окутал густой туман. Летишь, как в молоке. Тут уж простым глазом высоту не определишь, только по приборам. Думаю, не налететь бы на самолет Махоткина.

— На какой высоте летите? — спросил Иванов по радио.



С самолета Махоткина ответили. Я взял выше. Теперь уверен, что не столкнемся.

Внезапно туман кончился. Впереди появилась Печора. Перелетели реку, и справа показался город Нарьян-Мар.

На реке мы увидели аэродром и людей с красными флагами.

Как только я вылез из самолета, ко мне подошли октябрята и пионеры. Они подарили мне трех маленьких деревянных оленей, обтянутых настоящей оленьей кожей и запряженных в маленькие нарты.

— Ты лети на „отлично", — сказали они, — а мы будем учиться на „отлично". Полетишь обратно — проверишь.

Нарьян-Мар, 31 марта.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Первого апреля снова в путь — в Амдерму. Летим над пустынными берегами Баренцова моря. Погода хорошая, ясная — далеко вперед видно.

Только пролетели остров Долгий, как получили из Амдермы радиограмму: „У нас началась метель, сильный ветер".

Жители Амдермы были уверены, что мы вернемся обратно в Нарьян-Мар. На аэродроме костры не разожгли, знак для посадки — букву „Т" — не выложили. Но мы решили продолжать путь и неожиданно для них появились над Амдермой.

Аэродром, обозначенный черными большими углами, мы видим, но как садиться, когда нет знаков, — трудно. Ведь садиться надо строго против ветра, а то еще поддует под крыло, и начнет кувыркаться самолет.

Вижу: из поселка на лошадях и на собаках едут к аэродрому люди. Но ветер

и метель им сильно мешают. А мы все летаем и летаем круг за кругом, никак их не дождемся.

Вдруг Махоткин заметил дым из трубы крайнего дома и сразу определил направление ветра. Он повел самолет на посадку. Я следил за ним с замиранием сердца: а вдруг неудачно сядет? Но он рассчитал точно и сел хорошо. И сейчас же Махоткин, Аккуратов и бортмеханик Иванов выскочили из самолета, легли на снег так, что получилась буква „Т". Я приземлился. Они поднялись, и я увидел, что у них побелели щеки.

Бортмеханик Бассейн закричал:

— Оттирайте скорей — отморозите!

Мороз был больше 20 градусов.

Карское море, Амдерма, 2 апреля.



ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Сегодня ночуем на комсомольской зимовке острова Вайгач. Самолета Махоткина со мной нет. Где он, я не знаю. Утром оба наших самолета вылетели из Амдермы. Курс взяли по компасу прямо через Карское море, на самую северную точку Новой Земли — мыс Желания. Перед нами 800 километров пути над морем.

В воздухе 30 градусов мороза, но море на несколько десятков километров от берега не замерзло: здесь проходит теплое подводное течение Гольфштрем.

Потом чистая вода сменилась льдом, кое-где прорезанным мелкими полыньями. Так мы летели километров сто: внизу льды, а сверху сияет яркое солнце.

Карское море непостоянно. Вскоре на горизонте появились небольшие облака. Они стали быстро сгущаться и снижаться к замерзшему морю.

Облака придавили нас к льдинам, и мы шли на высоте всего каких-нибудь 100 метров вместо прежних 600.

Внезапно Махоткин развернулся и пошел обратно.

Я забеспокоился. „Что-то, — думаю, — у него неладно. Уж не мотор ли начал давать перебои?" Решив не отставать от товарища в беде, я пошел следом за ним.

Сколько ни бился радист Иванов у своего аппарата, с самолета Махоткина ему ничего не ответили.

... Летим обратно уже полтора часа. Впереди показался берег. Я решил, что это материк и через несколько минут мы будем „дома" — в Амдерме.

Лететь было трудно. Проводившая нас хорошей погодой земля встречала отчаянным снегопадом.

Махоткин, видно, решил, что мы идем неправильно, и опять повернул назад. Я — за ним. Но тут я увидел решетчатую радиомачту. Вокруг нее домики, а немного в стороне полощутся по ветру четыре огромных флага аэродрома.

„Это не Амдерма. Куда же мы прилетели?" раздумывал я. И вдруг догадался: это остров Вайгач. Ведь мне еще в Амдерме рассказали, что на Вайгаче решетчатая радиомачта.

С Махоткиным еще на земле я договорился: если я вдруг сделаю круг, это значит, что он должен садиться там, где сяду я. Помня этот договор, я делаю широкий круг. Выравниваю самолет и вижу, что Махоткин ничего не заметил. Его самолет за это время ушел так далеко, что я его с трудом различил. Делать нечего — довел я скорость до 200 километров в час и помчался за Махоткиным.

Догнал его скоро, но в снегопаде Махоткин опять ничего не заметил. Он шел вперед. Скоро я потерял его из виду.

Я решил возвратиться к замеченному аэродрому. Иначе пришлось бы нам обоим сесть где-нибудь в поле, откуда не выберешься без помощи собачьих нарт.

Зимовщики были несказанно обрадованы нашей посадкой.

Но меня поразило не это: на стене в доме висела стенгазета, посвященная... нашему прилету!

— Во сне вы, что ли, увидели, что мы завернем к вам? Ведь мы не должны были у вас садиться.

Зимовщики рассмеялись.

— Это мы на счастье. И, как видите, в точку попали...

Мы дали им свежих московских газет и много новой литературы. Ох, как они были рады! Ведь они почту-то раз в году получают.

На улице разыгрался настоящий буран. Ни лететь, ни ехать нельзя было. Мы решили отдохнуть, а утром вылететь на розыски Махоткина.

Остров Вайгач, 4 апреля.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

На другой день я облетел почти весь остров Вайгач, но Махоткина не нашел.

Пришлось лететь в Амдерму. Только я прилетел туда, как вдруг приносят радиограмму от Махоткина.

Вчера, когда мы потеряли друг друга из виду, он заметил маленький домик и бухточку, покрытую ровным слоем льда. Решил сесть. Подле дома на козлах висели медвежьи шкуры. Тут же гуляли три собаки. Дверь дома была завязана веревкой. Повидимому, хозяева дома в отъезде. Махоткин развязал на двери веревку, и все вошли в дом. Они нашли там много продуктов. На стене висели винтовка и охотничье ружье. Около печки лежали дрова. Затопили печку. Стало тепло. Сварили обед. А на улице так и свистит ветер.



На другой день погода улучшилась. Снег перестал итти. Махоткин вышел из дому, поднялся на вышку, где был закреплен астрономический знак, и увидел вдали решетчатую радиомачту зимовки острова Вайгач. Махоткин оставил в доме записку, где сообщил, кто здесь ночевал. К вечеру самолет был уже в Амдерме. Мы опять все вместе. Самолеты в полной исправности. Не работала только радиоустановка, поэтому-то мы и не могли разговаривать по радио.

Заправили самолет, налили бензина полные баки и вылетели. На этот раз курс взяли вдоль острова Вайгач и Новой Земли, на Маточкин Шар. Над Карскими воротами мы попали в густой туман, и я снова потерял Махоткина. Чтобы не столкнуться с ним в воздухе, я стал пробиваться вверх. На высоте больше тысячи метров я вылез из тумана, как из воды вынырнул. Через тридцать минут мы прилетели на Маточкин Шар, где нас уже ждали зимовщики.

Махоткин прилетел только на другой день, — он из-за тумана вернулся на остров Вайгач, — а 9 апреля мы уже были на мысе Желания.

Там зимовщики рассказали нам интересный случай.

— Когда мы получили последнюю радиограмму, мы отправились на аэродром. Кто нес полотно, кто дрова, а один из нас нес нерпичье сало. Оно хорошо горит и дыму много дает. Разложили посадочный знак, развели костер, стали по кусочку подбрасывать сало. Вдруг видим — к нам идет огромный белый медведь. Он, наверно, услышал запах сала. Только тут мы вспомнили, что не взяли с собой винтовку. Стали кричать, чтобы испугать медведя, а он как будто бы и не слышит. Идет и идет. Вот уже шагов сто осталось. Но тут вдруг другие зимовщики заметили, что нам грозит опасность. Позвали собак и побежали на выручку. Собаки схватили медведя за задние ноги и завертели его. Один из зимовщиков убил медведя.

Мыс Желания, 9 апреля.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

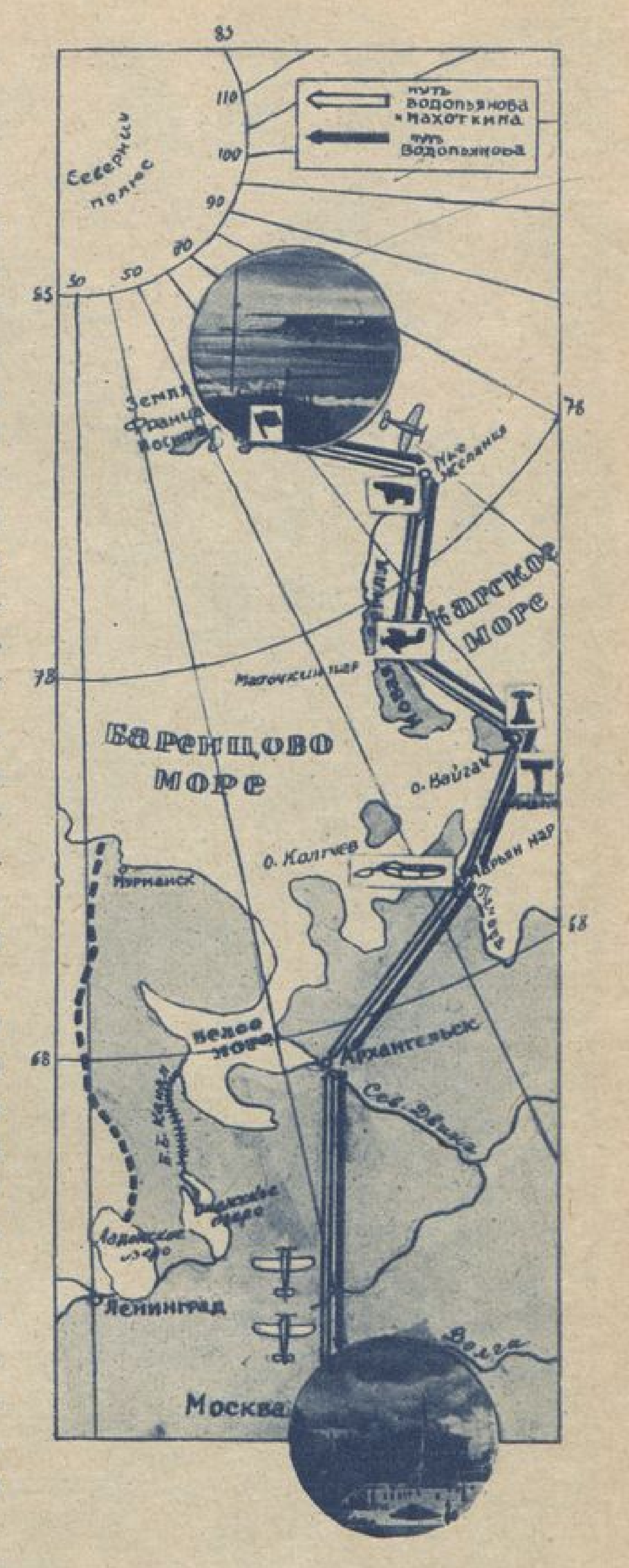
На мысе Желания мы просидели шесть суток. Погода так испортилась, что не только лететь, но и выходить из дома — и то страшно. Самолеты наши были крепко привязаны. Их по самые нижние крылья занесло снегом. Потом нам пришлось почти весь день откапывать их.

Вылетели мы в бухту Тихую 16 апреля, в 6 часов вечера. Но это только называется вечером, а это все равно днем. В это время года там ведь солнце не садится, и круглые сутки день. По часам определяют ночь. Но если уж там начнется ночь, то больше ста суток не показывается солнце.

Я поднялся первым, за мной Махоткин. Вскоре густые клубы облаков, точно дым, охватили нас. Я, как всегда в таких случаях, полез вверх. Выбрался. Но где Махоткин? Стал искать. Вдруг далеко впереди низко-низко я заметил самолет. Но когда подлетел ближе, увидел, что это полынья, формой похожая на самолет. Снова сгустился туман. Показались очертания какого-то острова. В воздухе мы были уже пять часов. Найти бухту Тихую очень трудно в такую погоду. Самолет кидало то вверх, то вниз. Термометр показывал 31 градус мороза. Я выбрал ровное место и сел.

Кабина наша отеплена. Когда мотор работает, в ней сидеть тепло, но как только остановили мотор, сразу же почувствовали холод. Мы залезли в спальные мешки, улеглись спать.

Только на другой день непогода стала стихать. Мы установили трехместную палатку, достали продукты, развели примус, и бортмеханик Бассейн приготовил обед. Проголодались мы основательно. После обеда приступили к запуску аварийного моторчика и к вечеру передали радиограмму о том, что находимся на необитаемом острове. Тут же мы получили ответ, что Махоткин вернулся на мыс Желания: у него испортился на самолете указатель скорости, без которого в плохую погоду лететь невозможно. На третий день непогода совсем стихла, стало ясно, и на юго-западе мы увидели много-много островов. Горючего у нас было еще на два часа, и мы решили лететь. Но для того, чтобы запустить мотор, нужна вода, а воду греть не в чем. Решили снять один бензиновый бак. Я целый день растапливал снег. Наконец, нагрели шесть ведер воды и завели мотор. Я дал полный газ, и вот мы опять в воздухе. Через 1 ч. 35 минут мы снизились на Земле Франца-Иосифа, в бухте Тихой. Нас встречали зимовщики, а с ними — Махоткин.



Через несколько дней мы слетали на остров Рудольфа, по направлению к северному полюсу, и этим полетом задание наше было выполнено. 13 мая я вылетел в Москву. Махоткин остался в бухте Тихой летать с научными приборами и обследовать острова. 21 мая прилетел в Москву, и сейчас мы с товарищами отдыхаем, а после отдыха будем готовиться к новому полету в Арктику.

Москва, 21 мая

Редколлегия: Барто А., Маршак С., Кассиль Л., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.
Ответственный редактор Н. Венгров.
Оформление Веретенникова В.

Уполномоченный Главлита № Б-22240. Сдано в набор 26/VI 1936 г. Подписано к печати 27/VII 1936 г. Объем 3 печ. листа. Ст.-формат 62 × 94. 1/8 листа. Отпечатано в типографии «Гудок», Москва ул. Станкевича, 7. Заказ № 1684
Детиздат № 816.
Тираж 225.000.

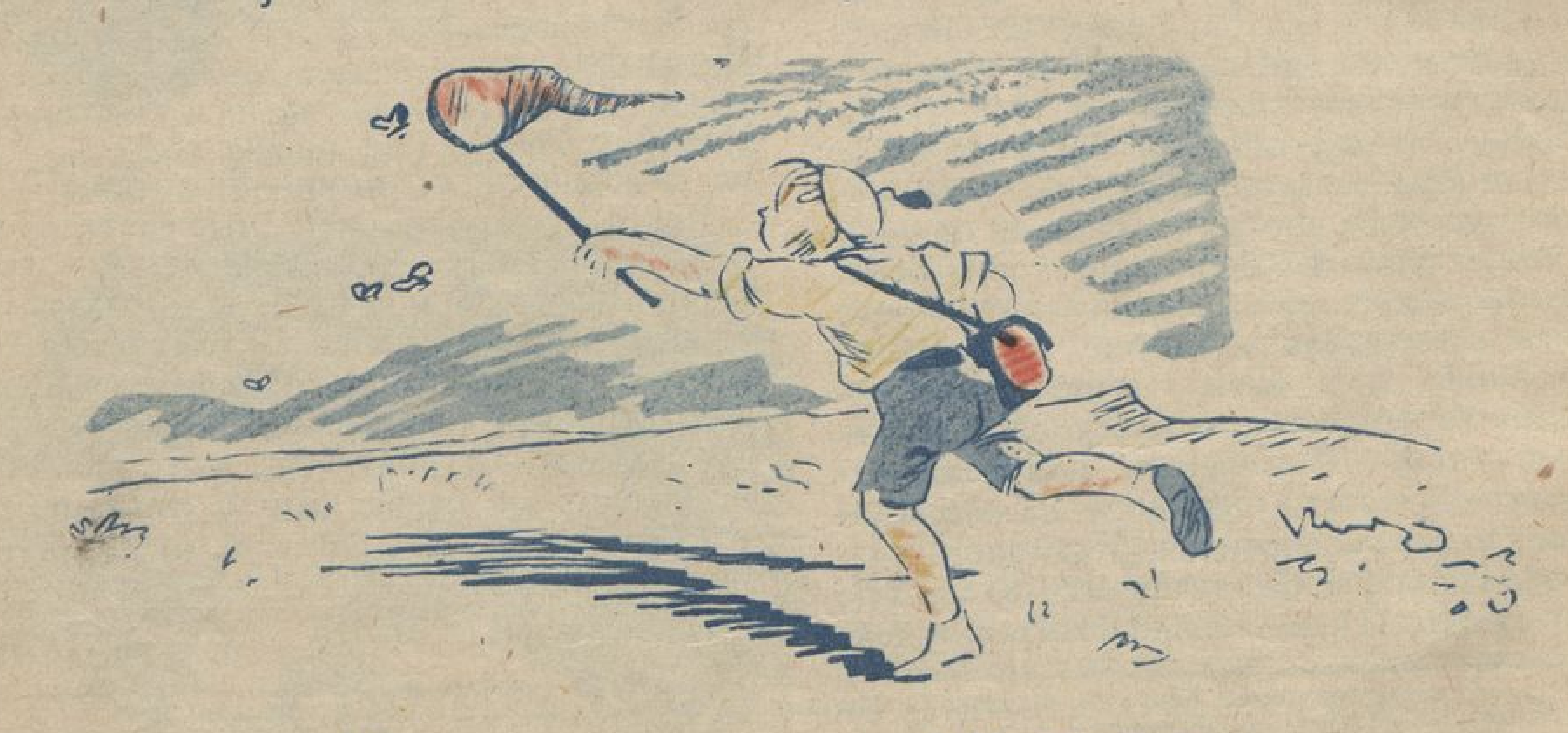
ПЕСЕНКА О ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЯХ



Ходит Сеня,
словно тень.
Плачет Сеня
целый день.
— Се-
нюшка,
Сенюшка!
Вот тебе
денежка!
Смилуйся,
сжалуйся,
замолчи,
пожалуйста!

Ходит Ваня,
словно тень.
Плачет Ваня
целый день.
— Ва-
нечка,
Ванечка!
Дам тебе
пряничка!
Смилуйся,
сжалуйся,
не реви,
пожалуйста!

Ходит Миша,
словно тень.
Плачет Миша
целый день.
— Ми-
шенька,
Мишенька!
Вот тебе
вишенка!
Смилуйся,
сжалуйся,
перестань,
пожалуйста!



Ходят трое,
словно тень.
Плачут трое
целый день.

А Николенька —
хорош!
Он на братьев
не похож.